

Глава 3: Тихая битва

В последние несколько дней, просыпаясь по утрам, я мечтал о фразе, которую хотел бы произнести чётко и эффектно:

«Когда вы намерены уехать? Будет большая проблема, если вы не сдержите обещание об одной ночи».

Продев руки в рукава, я вставал перед большим зеркалом, прислонённым к стене, и, состроив высокомерное выражение лица, говорил это своему отражению, а затем тяжело вздыхал.

Я ни за что на свете не смог бы такого сказать.

Поэтому мне оставалось лишь надеть свою обычную маску, чтобы скрыть эту слабость, и возвести стену между мной и Севераном.

Когда я, понуро опустив плечи, вышел в коридор, со спины тут же раздался бодрый голос:

— Доброе утро, господин Никола!

И максимум, что я смог выдать в ответ, был таким:

— ...До... доброе... утро...

Прямо сейчас на поверхность всплыла вся лень моих лицевых мышц за последние пять лет.

Я расплачивался за свою самонадеянность — тогда я легкомысленно полагал, что всё обойдётся, раз я ни с кем не разговариваю. Я не мог вымолвить даже слов «Пожалуйста, уезжайте поскорее» и дни напролёт терзался мыслями, почему же сразу, в первый же день, как следует не выставил его.

Я не мог понять ход мыслей Северана, который держался так, будто жил здесь уже много лет, и это было для него чем-то само собой разумеющимся.

(Это слишком страшно... Как можно оставаться на несколько дней в доме у человека, с которым едва знаком и которому обещал всего одну ночь?)

Хотя я реагировал на него так, будто приведение увидел, Северана это нисколько не волновало.

В тот день, неосмотрительно поддавшись искушению «Пушистого Духовного Облака», я заговорил с Севераном.

Да, — поговорил.

За всю мою жизнь у меня ни разу не получалось нормального разговора ни с кем, кроме тех, кто передо мной заискивал.

Особенно с Севераном, который, вероятно, был моего возраста. У меня не было ни единого друга-ровесника.

Было время, когда я считал господина Октава и других мастеров духов своими друзьями, но теперь-то я, конечно, понимаю, что это было лишь моим односторонним заблуждением и что для них я другом никогда не был.

Прятать обувь и рвать Святые Писания — это не милые шалости.

Поэтому, когда я находил свои вещи в таких тайниках, нельзя было радоваться, словно при победе в поиске сокровищ, с криками «Нашёл!». Потому что нормальные люди так не делают. Если бы в те моменты, когда на душе становилось смутно, я лучше прислушивался к собственному сердцу, то не испытал бы такого стыда.

Хоть я и был мал, но если бы тогда я не вздумал с улыбкой заговаривать с ними, а понял своё место и тихо стушевался, было бы куда лучше. Когда я вспоминал жизнь в церкви, подобные сожаления захлёстывали разум, и мне хотелось исчезнуть как личность.

(Исчезнуть, исчезнуть... Испариться бы.)

— А.

Нет... нет. Речь сейчас не об этом. А о том, что Северан слушал мои рассказы так, словно это были слова дорогого ему человека.

Большая часть моих рассказов — это истории об овощах и целебных травах.

Потому что сейчас мой мир на семьдесят процентов состоит из овощей, на двадцать — из целебных трав и на десять — из цветов; прямо как пропорции в домашнем огороде.

Если говорить о людях, то это лишь Перан, который доставлял письма, да Огюстен, который крайне редко заходил проведать.

К тому же, хоть он и заботился обо мне, мои знания о нём были до смешного плоскими: я знал лишь его внешность.

Насколько плоскими? У меня имелась лишь та информация, которую любой смог бы рассказать, просто встретив его: «У Огюстена зачёсанные назад каштановые волосы и очки в серебряной оправе, придающие ему нервный вид».

А вот Северан — ...

(Почему он так внимательно слушает рассказы о морковке? Может, он её любит?)

Мне почему-то казалось, что лицо у него не особо «любящее морковь», и это было странно.

И в тот день Северан, ничуть не заботясь о моей реакции, обратился ко мне с безмятежной улыбкой.

— Сад понемногу одевается в осенние краски. Вы уже завтракали?

— Э-э... Да... Х-хлеб, я сейчас буду...

— Вот как.

Произнеся это, Северан с улыбкой поплёлся следом за мной, а я нетвёрдой походкой направился на кухню. Пока я доставал из шкафа зачерствевшую круглую булку, он вскипятил воду и с видом полного хозяина положил заварку в чайник.

Пока я дрожал, гадая, откуда ему известно, где лежит чай, да ещё и тот самый сорт, что я пью по утрам, он уже налил чай в чашку и поставил на стол.

Когда я, поместив булку на тарелку, уселся за стол, Северан с мягкой улыбкой, способной очаровать кого угодно, спросил:

— Итак, когда же вы вернётесь в столицу?

Я же, не умея изобразить то презрительное выражение лица, которое каждый день репетировал перед зеркалом, изо дня в день лишь лепетал одну отговорку за другой. А когда соврал, что «через несколько недель должен кое-кто приехать», меня засыпали вопросами с таким рвением, будто жаждали узнать даже величину пор на коже этого человека, — так что мне пришлось воображать даже размер пор у вымышленного персонажа.

Не всегда, но порой Северан находился рядом со мной и во время еды, и потому, сдвинув маску ровно настолько, чтобы просунуть маленькие кусочки хлеба, я отправлял их в рот. Медленно шевеля губами, я едва слышно проговорил:

— Это... В столицу... Я не могу поехать.

— Почему же?

Его слова, казалось, врезались в меня, будто стремительно пущенный камень. Северан всегда говорил с неизменной улыбкой и мягким тоном, но я остро ощущал давящее стремление во что бы то ни стало отвезти меня в столицу.

Ведь он был рыцарем господина Октава, так что это было совершенно естественно.

Он был вынужден жить в этой глуши, в ветхом замке, вдали от своего господина. Несомненно, он жаждал как можно скорее завершить поручение и вернуться к обычной службе.

(Почему рыцарь господина Октава так хочет увезти меня...)

Конечно, письмо с вызовом прибыло, но в нём говорилось о весеннем Празднике Духов. И хотя Северан прав, и отбор, вероятно, уже начался, ко мне это не имело ни малейшего отношения.

У меня было множество вопросов, но я не желал слышать никаких новостей о Церкви, и мне было слишком страшно, чтобы спрашивать.

Потому этот диалог с Севераном вечно топтался на месте, не принося никаких новых поворотов.

Я отказываюсь, Северан посреди светской беседы снова задаёт тот же вопрос, я опять лгу или отшучиваюсь чем-то похожим, и разговор заканчивается. Пустой, бесплотный разговор, в котором не за что ухватиться.

В остальном это были по большей части беседы об овощах.

Хоть Северан и улыбался своей мягкой улыбкой, в душе он, наверное, раздражался на меня.

Мне жаль его, ведь он находится здесь по долгу службы, но я не могу оправдать его ожиданий. Если бы у меня была чёткая причина... Например, дело, которое непременно нужно сделать и из-за которого мне необходимо надолго уехать, — может быть, он смирился бы и отступился.

В лучшем случае можно было бы предложить срок, достаточный для того, чтобы ему захотелось хотя бы раз вернуться в столицу и доложить обстановку.

Вспомнив об одном-единственном деле в будущем, которое было совершенно точно, я открыл рот:

— Вот лето уже кончилось, наступает осень... Начинается сбор урожая овощей, пригодных для долгого хранения.

— А-а...

— Я ведь живу один, так что если как следует не соберу урожай и не подготовлюсь к зиме... Я никак не могу оставаться в столице.

Услышав мои слова, Северан широко раскрыл глаза.

Затем ненадолго задумался, приложив руку к подбородку, и тихо произнёс:

— ...Понятно.

Когда я, подумав, что меня наконец-то поняли, начал было: «Так что...», Северан с неизменной мягкой улыбкой сказал:

«Я понял».

<http://bllate.org/book/17984/1728124>